

The Institute of Ismaili Studies

Название: «Специалисты, толстокожие животные и плюрализм: нескончаемые дебаты по вопросу многообразия культур»

Автор: Карим Х. Карим

Источник: Лекция о культурном многообразии, прочитанная 20 июня 2007 г. в университете Британской Колумбии в Ванкувере в Канаде.

Издание: «Канадский журнал общения» Т. 34 (4), стр. 701-710, 2009

Краткое содержание: Слово " культурное многообразие " было введено в употребление в начале 1970-х г.г., с тех пор разные эксперты по всему миру дали ему различные, часто противоречивые, толкования, исходя из своих собственных социально-культурных контекстов. Подобно слону в тёмном доме из Руми, такой «толстокожий зверь» как плюрализм, фигурирующий в названии публикации был понят по-разному теми, кто смог коснуться только некоторых его частей. Профессор Карим продолжает дискуссию, обсуждая историю культурного плюрализма в Канаде, первой стране, возведшей многообразие культур в ранг официальной политики. Эта политика была связана с "интеграцией", а также с «ассимиляцией» и имеет как сторонников, так и критиков, причём последние полагали, что она грозит разрушением целостности страны. "Общественные подсферы" интересов меньшинств рассматриваются как сосуществующие и пересекающиеся с доминирующей общественной сферой, концептуализируя гражданское участие в плюралистических обществах. Статья заканчивается тем, как многообразие культур следует переосмыслить в 21-м веке, когда глобализация бросила вызов традиционной структуре стран. Сегодня иммигранты одновременно и чувствуют себя комфортно, обладая несколькими идентичностями и чаще, чем прежде находятся в более тесном контакте со своими диаспорами. Его Высочество Ага Хан высоко оценил канадские усилия

направленные на поддержание плюралистических ценностей, которые он рассматривает как существенные для будущего мира.

Разрешение авторского права было получено от вышеупомянутого издателя.

Использование материалов, изданных на сайте Института Исследований Исламизма, указывает на принятие Институт Исследований Исламизма условий использования материалов. Каждая копия статьи должна содержать такое же уведомление об авторском праве, которое появляется на экране или напечатанно на каждой странице. Для всех опубликованных работ рекомендуется получение разрешения авторов и издателей на использование/переиспользование информации и всегда ссылаться на авторов и источник информации.

«Специалисты, толстокожие животные и плюрализм: нескончаемые дебаты по вопросу многообразия культур»

Карим Х. Карим

Слово "многообразие культур", появилось в начале 1970-х годов. Было высказано предположение, что оно было придумано в Швейцарии, но Канада была первой страной, внедривший его в свою официальную политику. В настоящее время оно распространилось по всему миру. Многие люди выступают за него, многие другие против, но очень немногие остаются равнодушными. Термин приобрёл много значений. В качестве определённой политики, он понимается многосторонне как содействие интеграции иммигрантов в общество, улучшение межрасовых отношений, уменьшение конфликта внутри общества, способствование высокой гражданственности, поддержка иммигрантов, поддержание сплоченности страны, а также культурной ассимиляции. И даже хотя направленность культурного многообразия и его применение в разных странах различны, существует неправильное впечатление, что «культурное многообразие» одинаково по всему миру.

Даже в Канаде, когда люди обсуждают его ценность или отсутствие таковой, они часто не имеют ввиду одно и то же. Манера, в которой разворачиваются некоторые дебаты кажется, показывает, что участники дискуссии не осознают, что их понимание «культурного многообразия» разнится. Эта ситуация сродни древней притче, в которой люди спорили на счёт описания слона. Есть несколько версий этой притчи. Одна содержится в работе «Маснави», принадлежащей суфийскому святому Джалалуддину Руми, чьи произведения переживают волну популярности в странах Запада, хотя он родился 800 лет назад на территории современного Афганистана. Я приведу часть перевода притчи с персидского оригинала:

некие индусы привезли слона на показ и поместили его в тёмное помещение. Чтобы увидеть животное, приходило много людей и каждый заходил в это помещение. Поскольку увидеть слона глазами было невозможно, каждый из приходивших воспринимал его на ощупь, используя ладонь своей руки. Рука одного коснулась хобота слона и он сказал: «Это существо, подобно сточной трубе». Рука другого нащупала его ухо и ему оно показалось веером. Третьему попала нога животного и он сказал: "Я нашёл что форма слона походит на колонну". Ещё один положил руку на спину зверя и сказал: «Поистине, этот слон подобен трону". Аналогично, кто бы не приводил описание слона, он имел в виду только ту часть, которой он коснулся (Руми, стр. 71-72).

Моралью этой истории является то, что люди часто спорят о предмете, потому что они говорят об определенных его частях, а не о нём в целом. Как и метафорический толстокожий зверь притчи, культурное многообразие многогранно, но кажется, что люди остаются в неведении о его многочисленных интерпретациях. Мы ссылаемся на одно понятие, но часто имеем в виду разные вещи. Существуют различные понимания терминологии, целей и способов проявления культурного многообразия. Канадцы в течение трёх с половиной десятилетий обсуждают и спорят о политике, основанной на культурном многообразии, но мы часто не слышим друг друга из-за разнящихся толкований, которыми мы его наделили. Я не подразумеваю обнародовать сегодня какое-либо понятие "реального культурного многообразия", мое намерение состоит в том, чтобы высветить существование различных его пониманий. Я делаю это с надеждой, что когда мы признаем разнообразие наших точек зрения, мы приблизимся на шаг ближе к более продуктивной дискуссии. Разнообразие, в конце концов, является ключом к предмету моей лекции.

Прежде чем мы рассмотрим эту запутанную ситуацию, стоило бы проследить истоки культурного плюрализма в Канаде. В 1840-х годах, генерал-губернатор лорд Дарем, недавно прибывший из Лондона, написал следующим образом о политической напряженности между британцами и французами в Канаде: «Ожидая найти тяжбу между правительством и гражданами, я нашёл два народа воюющих в лоне единого государства: я нашел борьбу не принципов, а рас. (Макнот, 1976, стр. 94)

Однако его предложение о том, что бы французское население Британской Северной Америки было ассимилировано путём политики конформизма английскому элементу было отклонено местными жителями. В Конфедерации в 1867 году, английский также как и французский языки могли официально употребляться в федеральном парламенте и судах. С неуклонным ростом этой политики в течение следующего столетия, страна стала характеризоваться как «двуязычная и двукультурная».

Однако такое устройство дел было неудовлетворительным для ряда говорящих на французском языке в Квебеке и начало расти движение за независимость провинции. Правительство Пирсона создало Королевскую комиссию по двуязычию и двукультурию в 1963 году, чтобы изучить, как политическое партнерство между двумя группами может быть развито дальше. Пока члены комиссии пересекали Канаду с атлантического побережья через Квебек и Онтарио они обычно встречали радушный приём. Но они столкнулись с неожиданной сильной оппозицией на равнинах прерии. Концепция, согласно которой характер страны был только британским и французским встретил решительное несогласие со стороны других европейских групп, таких, как украинского и польского происхождения. Их петиции, похоже, оказали значительное влияние на комиссию. Том 4 её доклада, который был опубликован в 1969 году, был озаглавлен «Культурный вклад других этнических групп» (Канада, Королевская комиссия, 1967-70).

В октябре 1971 года, новый премьер-министр, Пьер Эллиот Трюдо объявил о политике «культурного многообразия в рамках двуязычия». Он заявил в Палате общин: «Мы считаем, что культурный плюрализм является самой сутью канадской идентичности. Каждая этническая группа имеет право сохранять и развивать свою собственную культуру и ценности в контексте Канады. Когда говорить, что у нас два официальных языка, это не означает что у нас две официальные культуры и никакая конкретная культура не является более "официальной", чем другая. Политика культурного многообразия должна быть политикой для всех канадцев» (цитируется в Гарни, 1988, стр. 69).

Культурное присутствие в Канаде неанглийских и нефранцузских общин было официально признано этими словами. В то же время, исторически доминирующий статус канадцев английского и французского происхождения, чьи языки сохранили официальный статус, был вновь подтверждён. Разделение языка и культуры бессмысленно антропологически, но это был тип компромисса, который часто характеризовал канадскую политику. Он полагал, что люди любого этнокультурного происхождения могли принадлежать либо к англоговорящей либо к франкоговорящей группе в зависимости от того, какой у них родной официальный язык. В условиях, когда никакая отдельно взятая культура не является более официальной чем другая,

даже самая маленькая и только что возникшая община теоретически считалась бы такой же канадской, как и самая большая и старая.

Оказалось так, что министр иммиграции Австралии был в галерее посетителей в день заявления Трюдо, и несколько лет спустя его страна также приняла политику культурного многообразия. В первое десятилетие проведения этой политики упор был на сохранении культур, в основном меньшинствами европейского происхождения. Когда иммиграция в страну была разрешена для неевропейцев, федеральному истеблишменту, ведавшему вопросами культурного многообразия пришлось заниматься более непосредственно проблемами расовой дискриминации. В 1980-х годах бюрократические структуры, созданные для реализации этой политики постоянно росли вместе с бюджетными ассигнованиями на них. В результате лоббирования со стороны этнокультурных объединений и тогдашней политической ситуации, канадские партии широко представили вопросы культурного многообразия в своих программах документов и включили предложения по созданию канадского Закона о культурном многообразии в Канаде и Департамента по вопросам культурного многообразия и гражданству.

Однако, несмотря на требования паритета между культурным многообразием и политикой двуязычия, выдвигавшегося этнокультурными объединениями, не были созданы механизмы его правоприменения, такие, как контроль со стороны официального комиссара. Финансовым ассигнованиям также предстояло быть значительно меньше, чем для программ по двуязычию. Законопроект о культурном многообразии был вынесен на обсуждение парламента правительством Брайана Малруни и вступил в силу в июле 1988 года. В нём была определена политика, основы её осуществления и парламентская система мониторинга. В её преамбуле говорится, что "Закон обязывает правительство Канады, содействовать общинам и учреждениям в обеспечении равного доступа и участия для всех канадцев в экономической, социальной, культурной и политической жизни страны" (Канада, культурное многообразие и гражданство Канады. 1990, р. 1).

Федеральным учреждениям нужно реализовывать эту политику с помощью создания программ, которые отвечают культурному разнообразию населения страны. За годы, прошедшие с момента принятия политики культурного многообразия, её бюрократическая структура выросла с отдела в рамках бывшего Департамента государственного секретаря до сектора в Департаменте культурного многообразия и гражданства. Но последнее существовало недолго. Одним из нескольких наследий Кима Кэмпбелла в качестве его краткого пребывания на посту премьер-министра, было объединение нескольких федеральных департаментов в супер-министерства. Такая структура как «Канадское наследие» поглотило ведомство, занимавшееся вопросами культурного многообразия, и оно было резко уменьшено по величине и значимости в рамках федеральной структуры. Одной из причин сокращения численности этого ведомства была растущая оппозиция со стороны некоторых частей канадской общественности. Квебекские националисты уже давно опасались, что политика культурного многообразия была изобретена Трюдо, чтобы принизить статус франкоговорящих канадцев. Хотя группы аборигенов не обязательно противостояли политике культурного многообразия, они считали, что она не может решить их ключевой вопрос о требовании земли.

Неоднозначная ситуация, связанная с разрешением полицейским сикхского происхождения носить тюрбаны вместо касок Стетсона вызвала крайние противоречия, особенно в западной Канаде. Политическая оппозиция политике культурного многообразия была гальванизирована Реформистской партией. Общественное мнение в целом, оставаясь за широкую концепцию культурного плюрализма, разделяло меньший энтузиазм по поводу предоставления государственных субсидий для поддержки культур национальных меньшинств. Критика этой политики со стороны прессы казалось, активизировалась прямо пропорционально росту культурного многообразия, особенно в преддверии принятия закона. Несколько провинций закрыло свои программы, но федеральный аппарат сохранился и по сей день, хотя и в значительно уменьшенной форме.

Одним из основных утверждений критиков этой политики было то, что слишком много денег налогоплательщиков было потрачено на программы для меньшинств, хотя фактические суммы были незначительными по сравнению с общими государственными расходами на культуру. Ещё одно недовольство политикой было связано с тем, что политики якобы используют культурное многообразие в своих интересах. Хотя во всём этом была большая доля правды, критикующие, казалось, находились под впечатлением, что избиратели, принадлежавшие к меньшинствам неизменно действовали, руководствуясь стадным менталитетом. И, конечно, это не единственная политика, которую можно эксплуатировать. Гораздо более фундаментальная критика политики культурного многообразия основывалась на том, что она ставит под угрозу социальную сплоченность страны, путём геттоизации меньшинств и замораживания их идентичности, придавая им постоянный незавершённый статус. Это вопрос, будет подробно проанализирован мною.

Рассматривая освещение культурного многообразия в средствах массовой информации (СМИ) за последние 25 лет, выявляется то, что одним из наиболее последовательно развиваемым критиками культурного многообразия положением является мысль о том, что, эта политика разрушит целостность страны. Этот аргумент фигурирует во многих формах, использующих насущные вопросы своего времени. Культурное многообразие обвиняют якобы в том, что в нём нашёл широкую поддержку терроризм среди сикхов в 1980-х годах, среди тамилы в 1990-х годах, и среди мусульман в настоящее время. Есть несколько историй, которые появляются с циклической закономерностью: например, об этнических бандах и о том, как ритуалы различных культур нарушают жизнь в жилых кварталах. Это не означает, что на обзорных страницах наших газет нет оживленных форумов для обсуждения различных сторон этих вопросов. К сожалению, как и в большинстве случаев, наибольшее внимание, как правило, получают те статьи, которые рисуют самые страшные сценарии. Общее впечатление, которое возникает, такое, что общество осаждается иностранными элементами и что культурное многообразие выступает в роли пятой колонны, подстрекая к разрушению социальных и культурных структур страны.

Возможно, лучшим способом описать это суждение будет назвать его моральной паникой. Стэнли Коэн (1972) определяет это суждение как социальную реакцию на определённую группу. Реакция эта, основанная на ложном или преувеличенном понимании, согласно которому культурное поведение этой группы опасно девиантно и представляет угрозу общественным ценностям и интересам. Общий тон сотни статей по вопросам культурного многообразия, написанных за несколько десятилетий является паникёрским. Согласно ему канадское общество подвергается опасности со стороны чужеродных культур, центр не выдерживает натиска, мы находимся в опасности неминуемого краха, небо должно было уже упасть к настоящему времени, но оно не упало.

Ключевым вопросом в суждение специалистов по вопросу культурного многообразия является путаница на счёт слов, используемых для описания политики культурного многообразия. Существует определенная лексика, которая является частью дискуссии по вопросам культурного многообразия. Она включает в себя такие слова, как плюрализм, разнообразие, мозаика, плавильный котел, ассимиляция, интеграция, гражданство, национальной идентичность, основные канадские ценности, сообщество, господствующая тенденция, большинство, меньшинство, этническое, этнокультурное, расы, видимые меньшинства, иммигранты и диаспоры. Но те, кто их интерпретирует, часто вкладывают в них разный смысл. Поэтому сами понятия, используемые в дебатах остаются неоднозначными. Как и персонажи в истории Руми, пишущие о культурном многообразии постоянно не слышат друг друга, потому что они на самом деле, имеют в виду различные вещи.

Одна из проблем существует по поводу использования слов «интеграция» и «ассимиляция». В то время как подход правительства к политике культурного многообразия время от времени менялся, наблюдается общая точка зрения, которая контрастирует канадскую интеграцию с американской ассимиляцией. Живя в Нью-Йорке, в качестве студента, я вскоре понял, что плавильный котел был

больше мифом, чем реальностью. Тем не менее, многие из наших соседей на юге придерживаются идеала, что все граждане их страны сливаются в одну культуру. Ассимиляционистическая модель плавильного котла является устойчивым убеждением, которое лежит в основе доминирующего в Америке представления о межкультурных отношениях. Оно очень часто контрастирует с канадским предпочтением процесса интеграции, который напоминает то, что некоторые называют «салатом». Отдельные ингредиенты салата остаются различными, но блюдо имеет составную целостность.

Вместе с тем ряд соавторов статей, появившихся в прессе, стремится интерпретировать "интеграцию", как поглощение всех в монолитную культуру. В основе этого понимания лежат идеи 19-го века о том, что есть «страна». В своём идеальном проявлении, оно предполагало, что все, кто проживает в пределах территориальных границ определённой страны обладают одним языком, культурой, этнической принадлежностью и религией. И на самом деле, древнегреческое слово «этнос», от которого происходит термин «этнический», означает «страна». В действительности, редко существуют страны, полностью состоящие из индивидуумов одной этнической принадлежности, в пределах каждой страны есть меньшинства, которые не имеют те же социальные характеристики, которыми обладает доминирующая группа. Тем не менее, изучение школьных программ и содержания СМИ показывает, что наличие подчинённых групп систематически маргинализируется, демонизируется, либо полностью стирается. Распространившись по всему миру, культурное многообразие было адаптировано к отдельным контекстам социального и исторического опыта разных стран. Конечно, идея существовала задолго до названия.

Даже в виде политики, государства, подобные Индии, Малайзии и Сингапуру обладают своими способами стимулирования хороших отношений между различными сообществами, существующими в пределах их границ. Интересно, что даже не допуская крупномасштабной иммиграции, они всё больше ссылаются на свои подходы как культурно-многообразные. Англичане, голландцы, и, да, даже американцы говорят о культурном многообразии, но это не то же самое культурное многообразие, что и в Канаде. Подход каждой страны формируется контекстом её социальной политики и тем, какой она видит себя.

Государства Северной Америки и Австралии с долгой историей иммиграции имеют заметно отличное понимание межкультурных отношений по сравнению с странами Европы, которые лишь недавно начали принимать иммигрантов. В Соединённых Штатах нет политики культурного многообразия на федеральном уровне, но она поддерживается многими муниципальными организациями, а также крупными корпорациями в Америке. Подход Великобритании, частично обусловленный её историей переселения граждан Британского Содружества, по-прежнему заметно отличается от других европейских стран. Со своей стороны, Нидерланды включили культурное многообразие в свою давнюю социальную политику «опор».

Некоторые глобально освящённые события, которые произошли в течение последних нескольких лет в европейских государствах были помещены в контекст «провала культурного многообразия». Убийство в 2004 году вызывавшего споры голландского режиссера лицом марокканского происхождения рассматривалось как неспособность некоторых меньшинств интегрироваться в нидерландское общество. Британское культурное многообразие подверглось жестоким нападкам, последовавшими за взрывами на Лондонской системе общественного транспорта в 2005 году, устроенными четырьмя террористами-смертниками, бывшими британскими уроженцами и имевшими пакистанское происхождение. Прошлогодние осложнения по поводу публикации оскорбительных изображений пророка Мухаммеда датской газетой «Йилландс постен» были представлены как угроза западным либеральным ценностям. Эти

события были представлены большинством специалистов, как доказательство всеобщего провала политики, направленной на успешное решение вопросов, связанных с расовым и религиозным разнообразием населения страны.

Европейские инциденты были освещены в некоторых канадских СМИ как размышления об ущербной природе нашего подхода к культурному многообразию. Но многие комментаторы не смогли поместить инциденты в контекст того как конкретно действует плюрализм в этих странах. Они, как правило не замечают конкретные условия, которые, как кажется, способствуют существованию системных межкультурных проблем в этих странах. Эти условия включают в себя жёсткий изоляционизм некоторых меньшинств в Великобритании и то, что даже нидерландские учёные, проявляют тенденцию, ссылаться на второе и третье поколения лиц иммигрантского происхождения, родившихся в Нидерландах, как на "иностранцев".

Известные расистские наклонности одной политической партии в датской правящей коалиции, которая провела несколько антииммигрантских законов, и постоянные нападки «Йилландс постен» на меньшинства в стране, не являются частью доминирующего охвата фурора по поводу карикатур. Возможно, одним из самых нереалистичных сравнений между Европой и Канадой было в одной из колонок одной из наших газет, которая процитировала некоего чиновника французского правительства, предупреждавшего нас о том, что наше культурное многообразие приведёт нас к беспорядкам типа тех, с которыми столкнулась его страна в 2005 году. Провал экономической политики Франции в обеспечении продуктивной занятости молодежи и отчуждающие эффекты её жёсткого настаивания на том, чтобы люди в общественных местах придерживались господствующих культурных норм не рассматривались в качестве конкретных причин этих проблем.

Хотя СМИ должны оставаться бдительными и сохранять критический взгляд на общество, кажется, что многие из них занимаются предписанием ценностей, постоянно демонстрируя, что культурное многообразие это назревающая катастрофа. Они стремятся придать большое значение исследованиям, которые могут показать, что политика не работает. Одно такое исследование, которое пользовалось значительным освещением в прошлом году указывало на рост "этнических анклавов" в Канаде. Это, действительно, вызывает озабоченность, но, создаётся впечатление, что это является проблемой только в контексте явных меньшинств. Интересно, что отсутствие этнического разнообразия в кварталах высшего класса наших городов не вызвало аналогичной моральной паники.

Эксклюзивные анклавы другого рода регулярно отображаются на страницах наших газет, отведённых бизнесу, которые печатают фотографии лиц, назначенных на корпоративные руководящие должности. Они кажутся невидимыми для исследователей и комментаторов СМИ, которые сосредоточены на канадцах, получивших ярлык «видимых» меньшинств. Но тогда на лицо процесс, характером которого является рассмотрение одних людей сквозь расовую призму, а других нет. Городу Ванкуверу не чужд дискурс о "домах чудовищ". Интересно отметить, что моральная паника о группах, получивших расовую окраску кажется, не так интенсивна, когда они живут внутри города, с туристическими брошюрами, выпячивающими экзотическую природу наших "китайских кварталов" и "Маленьких Индий". Тревога начинает звучать, когда люди из этих мест переезжают в пригородные районы. Связанным с этим вопросом является другой вопрос, который следует здесь упомянуть, но который остаётся вне рамок этой лекции, а именно, сохранение другого рода расового анклава- резерваций аборигенов. Аналитической структурой, помогающей в осмыслении этой ситуации является понятие «общественной сферы», впервые введённое немецким социологом и философом Юргеном Хабермасом (1989).

Его концепция в значительной степени основывалась на во многом монолитном гражданском рассуждении, порождённом Европой 18-го века, где просвещённые лица мужского пола из верхнего и среднего класса, проводили дискуссии об общественных делах. Эта модель публичной сферы была поставлена под вопрос первоначально феминистскими, а затем и другими учёными, которые стремились расширить понятие для того, чтобы оно больше включало половые, этнические и классовые различия. Так появилась идея «общественных подсфер», которые рассматриваются в качестве сосуществующих и пересекающихся с доминирующей общественной сферой. Они позволяют нам концептуализировать способ, которым происходит гражданское участие в плюралистических обществах. Подсферы могут включать в себя этнические рынки и различные молитвенные места, а также этнические СМИ.

Мы не можем полностью игнорировать потенциальную опасность геттоизации и изоляции людей от общественной жизни. В некоторых из своих исследований я рассмотрел связанное с Канадой содержание этнических СМИ. Результаты показали, что чем дольше существует определённое СМИ, тем большую долю информации о Канаде оно отражает на регулярной основе. Также, кажется, есть такой фактор, как длительность существования в стране той общины, которой это средство служит. Было обнаружено, что некоторые утвердившиеся этнические газеты в Ванкувере содержали больше материалов о федеральной избирательной кампании, чем одна крупная местная ежедневная газета. Это, кажется, соответствует многоэтническому характеру сил, участвующих в канадской политике. Похоже, что некоторые подсферы являются живыми и многомерными пространствами, обеспечивающими значительное вовлечение в общественную жизнь нашего демократического государства. Тем не менее, это не означает, что все этнические подсферы так же активны в общественной жизни. Нам нужно, понять причины этого путём более глубокого проникновения в суть вопроса.

Необходимо исследовать возможности, также как и склонность членов подсфер включаться, либо изолироваться от канадского общества. К сожалению, мы не можем быть уверены, что средства массовой информации или даже сами исследователи будут точно информировать нас о результатах исследований. Речь идет об одной крупной статье, опубликованной на первой полосе, в одной из газет страны 12 января 2007 года. У неё был заголовок: «Насколько вы канадец?». Начальные строки гласили: «Иммигранты, принадлежащие к видимым меньшинствам медленнее интегрируются в канадское общество, чем белые европейские иммигранты в стране, и чувствуют себя менее канадцами, давая основания полагать, согласно одному важному докладу (Хименес, 2007, стр. А1), что культурное многообразие не работает так же успешно для небелых иммигрантов».

Эта известная статья вызвала значительную дискуссию и широко считается, предоставившей научные данные по этому вопросу. 18 января газета напечатала письмо редактору под заголовком «Проблематичные выводы»: "В своем исследовании иммигрантов, Джеффри Рейтц и Рупа Банирджи делают вывод, что иммигранты, принадлежащие к видимым меньшинствам, медленнее интегрируются в канадское общество, чем белые европейские иммигранты в Канаде. Однако, используя статистику для анализа их доклада, вполне возможно было бы прийти к прямо противоположному заключению.

Так, например, они преувеличивают различия. Они заявляют, что 97 процентов белых иммигрантов становятся гражданами, по сравнению с 79 процентами иммигрантов из видимых меньшинств. Однако большинство белых приехало в Канаду намного раньше. На самом деле, вероятность получения гражданства иммигрантами из видимых меньшинств, больше, чем белыми иммигрантами. И описанные различия, проявившиеся во втором поколении выявлены в сравнении молодежи видимых меньшинств со средним возрастом 26 лет, с белыми в среднем возрасте 46 лет. Самой большой проблемой является их заключение. Рассматривая «индексы интеграции», отмеченные в статье, можно сказать, что у иммигрантов из видимых меньшинств в сравнении с белыми иммигрантами больше индексов с лучшими показателями, чем с худшими. У китайских

иммигрантов лучше, чем белых иммигрантов показатели по пяти индексам, хуже по одному, у южно-азиатских - лучше по трём, хуже по двум, у негритянских - лучше по четырём, хуже по двум, а у иммигрантов из «других видимых меньшинств» лучше по трём, а хуже по двум индексам.

Анализ этих «индексов», таким образом, показывают обратное тому, что содержится в выводах статьи. Наконец, вопрос "канадской идентичности" не стоял в форме «Можете ли вы быть идентифицированы как канадец?», как указано в статье. Хотя профессор Райтц и г-н [так!] Банарджи и интерпретируют вопрос таким образом, он заключался в следующем: "Что является вашей этнической или культурной идентичностью», и это безусловно, вопрос не о гражданской принадлежности или преданности государству ". (Палмер, 2007, р. А16).

Опять же, мы, кажется, запутались в различных частях слона. У человека есть несколько видов идентичности - для многих людей, гражданская идентичность сильно отличается от этнической и культурной идентичности. Фокус-группы, которые я провел с мусульманами различного происхождения на протяжении последних нескольких лет, а также интервью, которые один мой докторант взял у выходцев из Южной Азии в последнее время, показали, что большинство из этих иммигрантов первого и второго поколения чувствовало себя одинаково комфортно и с их религиозной, этнической, культурной идентичностью с одной стороны и с канадской идентичностью с другой стороны. Наши выводы согласуются с растущим количеством литературы на эту тему. Но ни авторы исследования, ни журналист, казалось, не поняли, что большинство людей имеют многоуровневое восприятие себя. Похоже, что газета стремилась широко показать имеющиеся якобы доказательства того, что иммигранты были не в состоянии интегрироваться в общество.

Несмотря на это письмо, которое оспаривало указанное исследование, последнее, будучи опубликованным, начало жить своей собственной жизнью и укрепило общественность во впечатлении, что культурное многообразие провалилось. Хотя некоторые канадцы, кажется, настроены объявить смерть этой политики, усилиями Канады по укреплению межкультурной гармонии по-прежнему восхищаются на международном уровне. Не иссякает постоянный поток политиков, ученых и журналистов, прибывающих для изучения воплощения в жизнь канадского культурного многообразия. Вероятно, самая сильная поддержка культурного многообразия исходит от Его Высочества Ага Хана. Выступая с позиций опыта руководства сетью развития в Африке и Азии в течение последних 50 лет, он находит в плюрализме средство, позволяющее людям различного происхождения стремиться к общим целям. При создании с правительством Канады в 2006 году Глобального центра для плюрализма он заявил, что плюралистические ценности и практика, являются не только желательными, но и стали абсолютно необходимыми для будущего мира и самого нашего выживания (Ага Хан, 2006).

Он также отметил, что канадцы, как правило, очень скромны на счёт своих

достижений в этой области. Канадское культурное многообразие имеет существенные недостатки, но ясно, что когда мы смотрим на мир мы понимаем, что канадцам было бы хуже, без него. Канада сильно выигрывает не только при сравнении с Югославией, Руандой и Ираком, она так же избежала таких типов беспорядков и социальных взрывов, которые периодически потрясают такие общества как США, Англия и Франция, имеющие самые тесные связи с Канадой. Но это не причина, чтобы быть самодовольными, культурному многообразию не в полной мере удалось решить вопросы расовой дискриминацией. Социальная сплоченность, также продолжает оставаться проблемой.

Мир меняется, и культурное многообразие начинает показывать свою зрелость. Эта политика была разработана в то время, когда контакты иммигрантов с местами их происхождения были

слабыми. Глобализация, коммуникационные технологии, а также сравнительно подешевевший воздушный транспорт изменили это. Иммигрантские общины ныне гораздо мобильнее и космополитичнее, чем они были три десятилетия назад. Сейчас вполне возможно, для вновь прибывших в страну поддерживать ежедневный контакт со своими диаспорами через интернет, и часто путешествовать между Новым и Старым светом.

Это имеет огромные последствия для статуса гражданства. Характер гражданской принадлежности претерпевает изменения во многих частях мира. Существует несколько уровней гражданства в Европейском Союзе. В самом деле, многие канадцы, которые или сами родились в Европе, либо их родители или бабушки и дедушки прибыли оттуда получили паспорта стран ЕС. Итальянский гражданский избирательный закон позволяет членам парламента происходить из итальянских диаспор, в том числе канадской. Правительства Израиля и Индии назначили министров для контроля за осуществлением политики, связанной с вопросами диаспор этих стран. В то время как страны, из которых пребывают иммигранты, продвинулись в разработке механизмов вовлечения в дела своих диаспор, находящихся в других странах, странам, принимающим иммигрантов ещё предстоит заняться проблемами последних.

Ясно, что Канаде скоро придётся вовлечься в международное обсуждение последствий для иммиграции, гражданства, внешней политики и безопасности, порождаемых транснациональными диаспорами. Политика культурного многообразия, кажется, идёт не в ногу с этими событиями. Она была разработана в первую очередь с целью обеспечения одинакового гражданства для всех, с возможностью при этом существования культурных различий. Рамки, в которых этой политике предстояло разворачиваться, была Канада как отдельная страна.

В то время как глобализация не устранила существования стран, она, безусловно, привела в движение процессы, которые ставят под вопрос их традиционные структуры. Глобальные сети диаспор обязывают нас пересмотреть культурное многообразие, которое действует только в пределах отдельных стран. К сожалению, тем нашим специалистам, которые остаются в плену у узкого понимания культурного многообразия трудно узреть развивающийся характер явления.

Дискуссии о политике культурного многообразия должны изобретательно и творчески рассматривать реальности 21-го века. Очень важно, чтобы журналисты, ученые, и те, кто формирует политику отошли в сторону от «слона» и увидели быстро меняющуюся глобальную окружающую среду. Даже сейчас, когда мы по-прежнему не согласны на счёт благ культурного многообразия, очень важно для нашего общего будущего, что бы мы не ограничивали своё мышление рамками нашей страны, планируя сделать её более гармоничной.

Библиография указывается в версии работы на английском языке.